

СЕГОДНЯ — 100 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
К. МАРДЖАНИШВИЛИ

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ТЕАТРА

ПРИМЕР ВДОХНОВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ИСКУССТВУ

СЛОВА СЕРДЕЧНОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

«К. Марджанишвили больше, чем какой-нибудь театральный деятель, был служитель театра праздника, у него это выходило само собой, у него внутри созревал такой прекрасный праздник, горевший огнями, звучащий музыкой и богатыми красками.

Стоит только посмотреть на это вдохновенное, красивое лицо, стоит хоть раз присутствовать на взрыве энтузиазма этого южного человека, этого всегда молодого человека, этого человека родом из жемчужины нашей страны, которого можно приравнять только к какому-то самоцветному камню, чтобы понять, что это был за человек, который мог постоянно служить человеческому празднику. Таковы были все его спектакли».

А. В. Луначарский.

«Меня не удивляет ни ваш талант, ни ваш темперамент, ни пластичность вашего тела и красивой позы, да и не удивляет меня доведенная до высшего уровня сценическая техника, — для меня как специалиста театра значительным и необыкновенным является та «мера чувства», т. е. проявленный вами сегодня внутренний ритм, что является радостью на сцене. Нация, которая имеет такое искусство, полна обилием жизненных сил».

А. Сумбатов-Южин.

«23 ноября (день премьеры «Фуэнте овехуна») останется незабвенным в истории грузинского театра. Останется незабвенным не потому, что это был хороший спектакль, хороший ансамбль, хорошая игра. Возможно, что в прошлом у нас был когда-нибудь еще лучший спектакль, еще лучшее исполнение. Но тут наметилась новая линия работы, сказались новый метод работы, новая формация спектакля, какой нельзя найти ни в каком другом театре».

Ак. Васадзе.

«Нужен был его (Марджанишвили) авторитет и дисциплина, чтобы из обломков старого театра возродить новый. Вместе с тем его формулы синтетического театра были чрезвычайно умными в нашем театре».

Ттиан Табидзе.

Есть люди, которые всю свою жизнь, всю свою энергию отдают любимому делу. Отстраня их от этого дела — и они погибнут, а вернувшись к нему, как бы заново рождаются. Эта преданность, верность призванию делают их знаменитыми мастерами, и слава о них остается в веках.

К таким незаурядным личностям принадлежит великий грузинский режиссер и актер Котэ Марджанишвили. С его именем связаны становление и развитие новой грузинской национальной режиссуры.

Котэ Марджанишвили родился в кахетинском селе Кварели. Здесь он рос, познал жизнь трудового народа, его прекрасные песни, танцы, сказки. Впервые Котэ вкусил радость актерской игры, будучи еще учеником Тифлисской гимназии. На сцене театра Товарищества грузинских артистов он сыграл главную роль в исторической пьесе Акакия Церетели «Патара Кахи» и получил теплые отзывы самого автора и присутствовавшего на спектакле А. Сумбатов-Южина. Это открыло юношу, и он бесповоротно решил посвятить себя театру, актерскому искусству. Однако актер из него не получился, хотя он сыграл немало ярких ролей.

Призванием Котэ Марджанишвили оказалась режиссура. С того радостного дня, когда молодой режиссер впервые вышел на аплодисменты зрителей как автор спектакля, началась его блистательная карьера. Вся его экспериментаторская деятельность была направлена на утверждение реализма, гуманистических идей на театральной сцене.

Его дебют как режиссера состоялся в 1901 году в Вятке, где он поставил пьесу Чехова «Дядя Ваня». Уже в этой своей первой самостоятельной работе Котэ Марджанишвили выступил как активный борец за человека, утверждал светлые начала в жизни.

Впоследствии он неоднократно возвращался к чеховской и горьковской драматургии. Она помогла ему понять мир русского человека, его устремления, его нравственные основы, широту и богат-

ство души. Котэ Марджанишвили не раз говорил, что произведения Чехова и Горького научили его любить Россию.

Философские размышления горьковских героев о жизни не давали ему покоя. В те годы он постоянно находился в плену сильных образов горьковских пьес. В Риге К. Марджанишвили осуществил блестящую постановку спектакля «Дачники». Новая работа молодого режиссера, привезенная впоследствии в Москву, была тепло встречена Станиславским, Немировичем-Данченко и Сумбатов-Южиным. Основатели МХАТа дали высокую оценку работе Котэ Марджанишвили. Его приглашают попробовать свои творческие силы на сцене этого театра. Однако в тот год ему не удалось поработать в Москве. Обстоятельства вынуждают его выехать в Харьков, потом в Киев. И только спустя несколько лет, в 1910 году, он возвращается к Станиславскому и Немировичу-Данченко.

Котэ Марджанишвили, наконец-то, оказался среди тех, о встрече с которыми мечтал всю свою жизнь. Он с головой уходит в работу. Станиславский поручает ему занятия в основной студии, Котэ Александрович действительно участвует в постановке спектакля «Гамлет», а позже его вместе с В. Лужским приглашают ставить «Братьев Карамазовых».

К. МАРДЖАНИШВИЛИ О ТЕАТРЕ

«Великая русская революция и новый дух, которым одела она Вселенную, вернули театр к его настоящему пути. Они дали ему огромное звучание, вернули ему все, чего он был лишен: его действенность, его активность, его ритм».

«Каков же должен быть наш театр? Реалистический, романтический, символический, лирический — только чарующий, только пьянящий. Театр должен быть пьянящим, и всякое такое произведение, которое дает нашему сердцу что-то, что чарует наш мозг, — пленяет нас, захватывает жизненной силой и пьянящей красотой, начиная с 7-летнего возраста, когда мы впервые влюбляемся в него, — до 77-летнего возраста, когда, умирая, мы все еще продолжаем любить его».

ТРАДИЦИИ ЖИВУТ

Романтически приподнятый, праздничный театр на реалистической основе, который составлял суть творческих принципов Котэ Марджанишвили, близок по духу грузинскому и абхазскому театрам. Ниже мы поместим высказывания актеров Сухумского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба, сыгравших недавно интересные роли именно в этом ключе.

Ш. ГИЦБА,
заслуженный артист
Абхазской АССР

Я счастлив, что в годы учебы в Тбилисском театральном институте имени Ш. Руставели моими педагогами были любимейшие ученики Котэ Марджанишвили. Курсом нашим руководил народный артист СССР Акакий Хорави, а сценическую речь преподавал народный артист СССР Сергей Закариадзе. Оба они — типичные представители героико-романтической традиции в реалистическом искусстве, без которой не представлял себе театра их великий учитель. Эту романтику, возвышенную мечту человека о прекрасном, марджановский дух спектакля-праздника мы принимаем как эстафету от

старшего поколения актеров и режиссеров.

По-разному можно было, например, «прочитать» образ маркиза Позы, которого я играю сейчас в «Доне Карлосе» Шиллера. Постановщик спектакля — главный режиссер абхазской драмы. Недли Эшба выделила в решении образа Позы именно героико-романтическую линию. И сразу по-новому зазвучали в нем патристические мотивы. В пьесе есть эпизод клятвы маркиза, которая звучит как призыв к борьбе — «...мы складывать оружие не должны». Режиссер несколько раз заставляет моего героя повторить эту реплику в спектакле, как бы подчеркивая одержимость маркиза Позы, его страстность в борьбе за справедливость.

новой грузинской драматургии. Он вовлек в театральную деятельность прозаиков и поэтов — Карло Каладзе, Демну Шенгелая, Иону Вакели, композиторов И. Туския и А. Баланчивадзе, художника Лало Гудиашвили и многих других выдающихся деятелей грузинской культуры.

Чему же учил нас, режиссеров и актеров, Котэ Марджанишвили? Константин Александрович считал, что наряду с драматургом, режиссером и актером создателем спектакля является и зритель. Речь идет об эмоциях зрителя, вызванных авторской мыслью, режиссерским решением, актерской игрой. Неважно, расстроит или обрадует зрителя содержание той или иной

Три года пребывания в МХАТе и две самостоятельные постановки («У жизни в лапах» К. Гамсуна и «Пер-Гюнт» Г. Ибсена) на сцене этого знаменитого театра дали многое Котэ Марджанишвили для будущей самостоятельной творческой деятельности.

После ухода из МХАТа К. Марджанишвили работал в московском «Свободном театре», возглавлял театральные группы в Петрограде, Ростове-на-Дону, но самым значительным в его творческой жизни был спектакль «Фуэнте овехуна» Лопе де Вега, поставленный в Киве в самый разгар гражданской войны — 1 мая 1919 г. Премьера прошла с триумфом. Она вызвала столкновения мнений, различных позиций и платформ. Но все сходилось на том, что постановка глубоко и верно отражает революционный дух эпохи, что спектакль — в числе тех немногих, которые открывают собой историю молодого советского театра, театра социалистического реализма.

После изгнания меньшевиков из Закавказья Котэ Марджанишвили возвращается в родную Грузию. «Константин Александрович вернулся в Грузию не только с тем запасом знаний, умения и культурных струн в себе, которые он имел первоначально, когда приехал к нам; через русский театр, хотя бы и дореволюционный, он соприкоснулся со всем мировым искусством

и мировой культурой, он уже испробовал свои силы по части воплощения систем, и вот с этой огромной культурой он вернул свой гений Советской Грузии», — писал А. В. Луначарский.

Приход К. Марджанишвили в театр имени Руставели положил начало новому пути. Опираясь на национальные традиции грузинского сценического искусства, режиссер стремился в своих постановках к синтезу слова, музыки и танца. В таком плане ставятся инсценировка поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре», комедия Г. Эристави «Раздел», инсценировка произведения Д. Кдидашвили «Мачеха Саманишвили», «Мециания во дворянстве» Мольера и другие.

Мечта К. Марджанишвили о романтическом театре высоких идей и больших страстей привела его к мысли о постановке «Гамлета». Спектакль явился самой яркой постановкой театра имени Руставели того периода. Режиссер пересмыслил традиционное толкование шекспировской пьесы, приблизил ее к зрителям, к требованиям революционной эпохи.

Котэ Александрович был инициатором создания второго грузинского драматического театра в Тбилиси, получившего в 1933 году его имя.

Традиции К. Марджанишвили живут в современной грузинской режиссуре, в лучших спектаклях

советского грузинского театра. Они находят яркое воплощение и на сцене Сухумского драматического театра. Ученики и последователи К. Марджанишвили — А. Васадзе, А. Чхартушвили, Д. Антадзе, Ш. Агсабадзе, К. Патаридзе, Г. Журули, С. Челидзе, ныне работающий в Сухумском театре, и многие другие развивают и несут дальше героико-романтические основы театра, тему подвига во имя жизни, во имя прекрасного.

Традиции К. Марджанишвили живы и в актерском искусстве. На этих традициях, как на благодатной почве, выросли замечательные грузинские актеры: Тамара Чавчавадзе, Верико Анджапаридзе, Ушанги Чхеидзе, Акакий Хорави, Ирина Донаури, Пьер Кобахидзе, Григор Костава и многие другие.

Имя К. Марджанишвили стоит в одном ряду с именами К. Станиславского, Вл. Немировича-Данченко, Е. Вахтангова и В. Мейерхольда. Его творческая жизнь была связана с историей русской, украинской, латышской культур. Он — один из зачинателей советского театра, один из создателей искусства социалистического реализма и тех традиций, которые двигают и развивают многонациональную советскую театральную культуру.

Ал. АРГУН,
кандидат искусствоведения.

СТРОКИ ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

«Режиссерская и театрально-общественная деятельность народного артиста Грузинской ССР К. Марджанишвили занимает уникальное место в истории грузинской культуры. Он страстно поддерживал первые революционные опыты национальной драматургии. Он дерзко пересмотрел принципы традиционного толкования классики. Он активно пропагандировал лучшие художественные достижения братских народов и, прежде всего, русской советской сцены».

Театральный календарь, 1972 г.

«...Новый зритель освобожденного Киева бурей восторга встретил спектакль «Фуэнте овехуна». Мы заражали зрителя своим вдохновением, а он воодушевлял нас своим энтузиазмом. Монолог Лауренсии сопровождался такими оациями, что становилось страшно за старые стены театра: казалось, вот-вот они рухнут от грохота и засыпят эту бушующую в восторге массу».

Журнал «Театр», № 2, 1938 г.

ЭТА РОЛЬ—НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Имя Котэ Марджанишвили мы услышали еще в первые дни наших занятий в студии В. Домогарова наряду с именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Тогда мы узнали о его самообычном режиссерском даровании, о знаменитом спектакле «Фуэнте овехуна» («Овечий источник») по пьесе Лопе де Вега, поставленном в Киве во время гражданской войны, когда зрители прямо после окончания представления шли в бой.

В 1922 году К. Марджанишвили поставил «Овечий источник» на грузинской сцене. Этим спектаклем режиссер положил начало возрождению грузинского театра, который при меньшевиках находился на грани полного упадка. Резонанс от этого спектакля был велик, и благотворное его влияние на абхазский театр — несомненно.

В 1934 году абхазский театр, который был совсем еще молод, берет на себя нелегкую миссию — поставить «Фуэнте овехуна» на своей сцене. Эту постановку осуществил известный грузинский режиссер Вахтанг Гаррик. С большим волевым приступом я к работе над ролью Лауренсии. Эта роль

осталась в моем сердце на всю жизнь...

Часто вспоминается мне интересный эпизод, случившийся на одном из наших спектаклей. Обеспокоенная командором, Лауренсия призывает народ отомстить диктатору. В этот момент зрители, среди которых было много крестьян, впервые постигавших чудотворное искусство театра, бросились на сцену, обнажив свои кинжалы. Пришлось вмешаться в инцидент режиссеру. Гаррик остановил зрителей, объяснив им, что спектакль еще не окончен, и злодей не останется безнаказанным.

В годы учебы в Тбилисском театральном училище имени Ш. Руставели нам поставились смотреть восстановленный марджановский спектакль в театре его имени с участием выдающейся грузинской актрисы Тамары Чавчавадзе.

Романтическая приподнятость, темперамент, ритм спектакля — все то, что так увлеченно пропагандировал Котэ Марджанишвили, сыграли большую роль в становлении современного грузинского и абхазского театров.

Е. ШАКИРБАИ,
народная артистка Грузинской ССР и Абхазской АССР.

«ОН НАС УЧИЛ, МЫ ВМЕСТЕ РАБОТАЛИ»

Сергею Филипповичу Челидзе, народному артисту Грузинской ССР, главному режиссеру грузинского коллектива Сухумского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба, посчастливилось быть учеником, а затем товарищем по труду Котэ Марджанишвили. Как у всякого талантливого режиссера, у Сергея Филипповича много интересных творческих задумок, много работы и всегда мало времени.

Наш корреспондент побывал в эти дни у Сергея Филипповича и

роль и королева Испании прощают крестьян и Лауренсию: это было великое время. Однако такая концовка никак не вязалась с марджановским замыслом и революционными событиями, и режиссер изменяет ее, воспевав силу духа востановшего народа.

Котэ Марджанишвили одинаково любил и драму, и комедию, и оперетту. В годы становления Московского Художественного Театра он увлекался его принципами, знаменитой «простотой» поведения актера на сцене. Он был близко знаком с

А. Баланчивадзе, художника Лало Гудиашвили и многих других выдающихся деятелей грузинской культуры.

Чему же учил нас, режиссеров и актеров, Котэ Марджанишвили? Константин Александрович считал, что наряду с драматургом, режиссером и актером создателем спектакля является и зритель. Речь идет об эмоциях зрителя, вызванных авторской мыслью, режиссерским решением, актерской игрой. Неважно, расстроит или обрадует зрителя содержание той или иной

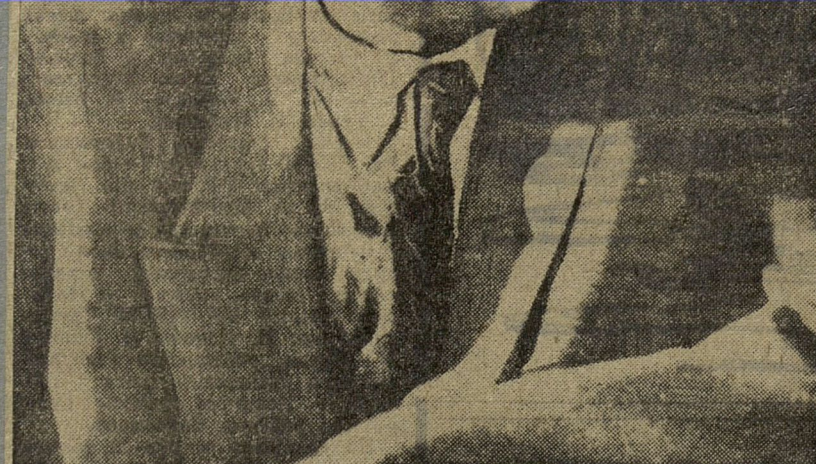

В НАС ПЛАМЕНЬ ЕГО СЕРДЦА

В книге воспоминаний замечательного советского актера, одного из ведущих мастеров МХАТа, народного артиста СССР Б. Я. Петера есть такие строчки о Котэ Марджанишвили: «Я часто думаю, как великолепно сливались в Константине Александровиче поэт, гражданин и человек большого сердца. И это большое сердце ра-

хумском же спектакле она исполнила центральную женскую роль — Юдифь.

В этом же году С. Челидзе осуществил давнишнюю мечту Котэ Марджанишвили о постановке музыкального спектакля на национальной основе. Музыкальный театр был так же близок великому режиссеру, как и драматический.

СЛОВА СЕРДЕЧНОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

«К. Марджанишвили больше, чем какой-нибудь театральный деятель, был служитель театра праздника, у него это выходило само собой, у него внутри созрел такой прекрасный праздник, горевший огнями, звучавший музыкой и богатыми красками.

Стоит только посмотреть на это вдохновенное, красивое лицо, стоит хоть раз присутствовать на взрыве энтузиазма этого юного человека, этого всегда молодого человека, этого человека родом из жемчужины нашей страны, которого можно приравнять только к какому-то самоцветному камню, чтобы понять, что это был человек, который мог постоянно служить человеческому празднику. Таковы были все его спектакли».

А. В. Луначарский.

«Меня не удивляет ни ваш талант, ни ваш темперамент, ни пластичность вашего тела и красивой позы, да и не удивляет меня доведенная до высшего уровня сценическая техника, — для меня как специалиста театра значительным и необыкновенным является та «мера чувств», т. е. проявленный вами сегодня внутренний ритм, что является радостью на сцене. Нация, которая имеет такое искусство, полна обилием жизненных сил».

А. Сумбатов-Южина.

«23 ноября (день премьеры «Фуэнте овехуна») останется незабываемым в истории грузинского театра. Останется незабываемым не потому, что это был хороший спектакль, хороший ансамбль, хорошая игра. Возможно, что в прошлом у нас был когда-нибудь еще лучший спектакль, еще лучшее исполнение. Но тут наметилась новая линия работы, сказался новый метод работы, новая формация спектакля, какой нельзя найти ни в каком другом театре».

Ак. Васадзе.

«Нужен был его (Марджанишвили) авторитет и дисциплина, чтобы из обломков старого театра возродить новый. Вместе с тем его формулы синтетического театра были чрезвычайно уместны в нашем театре».

Тигиан Табидзе.

«ОН НАС УЧИЛ, МЫ ВМЕСТЕ РАБОТАЛИ»

Сергею Филипповичу Челидзе, народному артисту Грузинской ССР, главному режиссеру грузинского коллектива Сухумского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба, посчастливилось быть учеником, а затем товарищем по труду Котэ Марджанишвили. Как у всякого талантливого режиссера, у Сергея Филипповича много интересных творческих задумок, много работы и всегда мало времени. Наш корреспондент побывал в эти дни у Сергея Филипповича и попросил его в свободные от репетиции часы и минуты рассказать о своем великом учителе Котэ Марджанишвили.

— Я не могу представить себе человека, — сказал он, — который бы общался с Котэ Марджанишвили и не говорил о нем восторженно, со страстностью, присущей самому великому режиссеру.

Когда я впервые увидел марджановский спектакль «Фуэнте овехуна», я не мог поверить, что это театр. Это была сама жизнь — удивительная, яркая, бурная! Не было в этом спектакле привычных театральных условностей, были сломаны все «нормы поведения» актеров на сцене. Непостижимое по страстности зрелище захватывало нас, сидящих в зале, делало непосредственными участниками действия.

Что же было присуще этому необыкновенному человеку, необыкновенному режиссеру? Огромный талант? Бесспорно. Высокая эрудиция, образованность? Бесспорно. И при всех этих качествах Котэ Марджанишвили был патристом, сынцом своего времени. Одним из первых среди театральных деятелей России он безоговорочно принял Советскую власть. Первым в нашей стране Котэ Марджанишвили поставил революционный советский спектакль «Фуэнте овехуна» — в 1919 году в Квебе, осаждаемом врагами. Основная часть зрителей — солдаты — после спектакля с пенем «Интернационала» уходила в бой: спектакль звучал как боевой призыв. Интересно вспомнить, что у Лопе де Вега в финале «Овечьего источника» ко-

роль и королева Испании прощают крестьян и Лауренсию: это было влияние времени. Однако такая концовка никак не вязалась с марджановским замыслом и революционными событиями, и режиссер изменяет ее, воспевав силу духа воставшего народа.

Котэ Марджанишвили одинаково любил и драму, и комедию, и оперетту. В годы становления Московского Художественного Театра он увлекался его принципами, знаменитой «простотой» поведения актера на сцене. Он был близко знаком с Горьким, называл его любимым своим драматургом, был влюблен в пьесы «На дне», «Дачники». Но особое место в его жизни и творческой деятельности занимает десятилетняя работа в Грузии.

Это было пятьдесят лет назад... Застывший в рутине, грузинский провинциальный театр догнал буквально на глазах. Стал вопрос о закрытии грузинского театра вообще. В это время и вернулся в Грузию Котэ Марджанишвили. Он прямо заявил о том, что сегодня в Грузии нет режиссеров и спектаклей, которые могли бы возродить театр, служить народу. Естественное, режиссеру предложили: «Ну что ж, поставьте!». И он поставил. И как поставил! Так появился в Грузии марджановский «Фуэнте овехуна» с замечательной актрисой Т. Чавчавадзе в роли Лауренсии.

Я сказал «актриса», а ведь Тамара Чавчавадзе тогда еще не была ею: она была просто статисткой театра. Но Котэ Марджанишвили сразу окружил себя талантливейшей молодежью, на которую надеялся, которой доверил будущее грузинского театра.

Грузинский театр... Котэ Марджанишвили был связан узами родства и дружбы с двумя театральными семьями — Васо Абашидзе и Котэ Мехки. Частыми гостями в его доме были Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели. Кстати, дебютировавший в Кутаисе спектаклем «Патара Кахя» А. Церетели тоже принимал участие в режиссуре. Вклад Котэ Марджанишвили в развитие грузинского театра неоценим. Он не только познакомил зрителей с лучшими творениями мировой классики, но и принял деятельнейшее участие в создании

пьесы Акакия Церетели «Патара Кахя» и получил теплый отзыв самого автора и присутствовавшего на спектакле А. Сумбатов-Южина. Это открыло юному, и он бесповоротно решил посвятить себя театру, актерскому искусству. Однако актер из него не получился, хотя он сыграл немало ярких ролей. Призванием Котэ Марджанишвили оказалась режиссура. С того радостного дня, когда молодой режиссер впервые вышел на аплодисменты зрителей как автор спектакля, началась его блистательная карьера. Вся его экспериментаторская деятельность была направлена на утверждение реализма, гуманистических идей на театральной сцене.

Его дебют как режиссера состоялся в 1901 году в Вятке, где он поставил пьесу Чехова «Дядя Ваня». Уже в этой своей первой самостоятельной работе Котэ Марджанишвили выступил как активный борец за человека, утверждал светлые начала в жизни.

Впоследствии он неоднократно возвращался к чеховской и горьковской драматургии. Она помогала ему понять мир русского человека, его устремления, его нравственные основы, широту и богат-

ТРАДИЦИИ ЖИВУТ

Романтически приподнятый, праздничный театр на реалистической основе, который составлял суть творческих принципов Котэ Марджанишвили, близок по духу грузинскому и абхазскому театрам. Ниже мы помещаем высказывания актеров Сухумского государственного драматического театра им. С. Я. Чанба, сыгравших недавно интересные роли именно в этом ключе.

Ш. ГИЦБА,
заслуженный артист
Абхазской АССР

Я счастлив, что в годы учебы в Тбилиском театральном институте имени Ш. Руставели моими педагогами были любимейшие ученики Котэ Марджанишвили. Курсом нашим руководил народный артист СССР Акакий Хоравя, а сценическую речь преподавал народный артист СССР Сергей Закаридзе. Оба они — типичные представители героико-романтической традиции в реалистическом искусстве, без которой не представлял себе театра их великий учитель. Эту романтику, возвышенную мечту человека о прекрасном, марджановский дух спектакля-праздника мы принимаем как эстафету от

новой грузинской драматургии. Он вовлек в театральную деятельность прозаиков и поэтов — Карло Каладзе, Демну Шенгелая, Иону Вакели, композиторов И. Туския и

А. Баланчивадзе, художника Ладю Гуднашвили и многих других выдающихся деятелей грузинской культуры.

Чему же учил нас, режиссеров и актеров, Котэ Марджанишвили? Константин Александрович считал, что наряду с драматургом, режиссером и актером создателем спектакля является и зритель. Речь идет об эмоциях зрителя, вызванных авторской мыслью, режиссерским решением, актерской игрой. Неважно, расстроит или обрадует зрителя содержание той или иной пьесы, важно, чтобы эти эмоции были. А это ставит перед создателями спектакля особые задачи. «Мы должны точно знать, что мы хотим сказать зрителю», — говорил режиссер.

Все творчество К. Марджанишвили было проникнуто всепоглощающим оптимизмом, что бы он ни ставил, в каком бы жанре ни работал. Даже трагедией он умел вселять в зрителя уверенность в лучшем будущем.

Котэ Александрович находил время и для серьезной работы с детскими спектаклями. Об этом часто вспоминает заслуженная артистка Грузинской ССР И. Донаури, в семье которой после смерти отца вошел Котэ Марджанишвили вторым отцом, наставником, другом. Под его непосредственным руководством И. Донаури, будущая известная актриса, в 14 лет впервые поднялась на сценические подмостки, а в 16 — дебютировала.

Детям Марджанишвили постоянно прививал свое праздничное мироощущение. Он очень любил устраивать для них всевозможные игры, рождественские елки. В один из новогодних праздников, перед которым была запрещена рубка елок, он раздобыл где-то лимонное дерево, увешал его игрушками, и праздник состоялся! Таков был этот необыкновенный человек! Таков был этот великий режиссер, мыслитель, оптимист, умеющий своей энергией влиять жизнь в душу другого человека. Таким навсегда он остался в нашей памяти и сердцах.

Беседу провел
Юлий БИДЕРМАН.

сказавший: «Собой историю молодого советского театра, театра социалистического реализма».

После изгнания меньшевиков из Закавказья Котэ Марджанишвили возвращается в родную Грузию. «Константин Александрович вернулся в Грузию не только с тем запасом знаний, умения и культурных струн в себе, которые он имел первоначально, когда приехал к нам; через русский театр, хотя бы и дореволюционный, он соприкоснулся со всем мировым искусством».

К. МАРДЖАНИШВИЛИ О ТЕАТРЕ

«Великая русская революция и новый дух, которым одела она Вселенную, вернули театр к его настоящим путям. Они дали ему огромное звучание, вернули ему все, чего он был лишен: его действенность, его активность, его ритм».

«Каков же должен быть наш театр? Реалистический, романтический, символический, лирический — только чарующий, только пняющий. Театр должен быть пняющим, и всякое такое произведение, которое дает нашему сердцу что-то, что чарует наш мозг, — пленяет нас, захватывает жизненной силой и пняющей красотой, начиная с 7-летнего возраста, когда мы впервые влюбляемся в него, — до 77-летнего возраста, когда, умирая, мы все еще продолжаем любить его».

Марджановская энергия, марджановский ритм, марджановский праздник в спектакле — это как учебник, любимое пособие, к которому всегда хочется обращаться нам, молодым актерам.

Н. БЕКАУРИ,
артист грузинской драмы

Последняя моя роль в этом сезоне на сцене была в спектакле одного из учеников и последователей Котэ Марджанишвили — народного артиста Грузинской ССР Сергея Челидзе. Для меня это тем более почетно, что мне не приходилось еще играть роли такого объема и такого внутреннего накала. Я говорю о роли Пабла-«дикяря» в «Третьем слове» Александро Касоны.

Пабло — романтик в полном смысле этого слова. Его мечты, мысли, поступки как бы опережают действительность с ее суровыми порою законами. В развитии образа Пабло, в режиссерской трактовке мне видится этот «марджановский дух», способный заразить своим темпераментом любого зрителя.

На снимке: К. Марджанишвили на репетиции спектакля «Фуэнте овехуна» в Тбилиси.

В эти дни в читальном зале Республиканской библиотеки открыта книжно-иллюстративная выставка, посвященная Котэ Марджанишвили, — прославленному мастеру советской сцены и основателю грузинского советского театра.

К. Марджанишвили сыграл большую роль в реорганизации грузинского музыкального театра и возрождении театрального образования в Грузии. Он воспитал и вывел на широкую творческую дорогу целое поколение драматургов, актеров, режиссеров, композиторов и театральных художников, сделал многое для развития грузинского киноискусства.

высказав: «Собой историю молодого советского театра, театра социалистического реализма».

После изгнания меньшевиков из Закавказья Котэ Марджанишвили возвращается в родную Грузию. «Константин Александрович вернулся в Грузию не только с тем запасом знаний, умения и культурных струн в себе, которые он имел первоначально, когда приехал к нам; через русский театр, хотя бы и дореволюционный, он соприкоснулся со всем мировым искусством».

После изгнания меньшевиков из Закавказья Котэ Марджанишвили возвращается в родную Грузию. «Константин Александрович вернулся в Грузию не только с тем запасом знаний, умения и культурных струн в себе, которые он имел первоначально, когда приехал к нам; через русский театр, хотя бы и дореволюционный, он соприкоснулся со всем мировым искусством».

СТРОКИ ИЗ ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

«Режиссерская и театрально-общественная деятельность народного артиста Грузинской ССР К. Марджанишвили занимает уникальное место в истории грузинской культуры. Он страстно поддерживал первые революционные опыты национальной драматургии. Он дерзко пересмотрел принципы традиционного толкования классики. Он активно пропагандировал лучшие художественные достижения братских народов и, прежде всего, русской советской сцены».

«...Новый зритель освобожденного Киева бурей восторга встретил спектакль «Фуэнте овехуна». Мы заражали зрителя своим вдохновением, а он воодушевлял нас своим энтузиазмом. Монолог Лауренсии сопровождался такими овациями, что становилось страшно за старые стены театра: казалось, вот-вот они рухнут от грохота и засыпят эту бушующую в восторге массу».

Журнал «Театр», № 2, 1938 г.

ЭТА РОЛЬ—НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Имя Котэ Марджанишвили мы усваивали еще в первые дни наших занятий в студии В. Домогорова наряду с именами К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Тогда мы узнали о его самолюбивом режиссерском даровании, о знаменитом спектакле «Фуэнте овехуна» («Овечий источник») по пьесе Лопе де Вега, поставленном в Квебе во время гражданской войны, когда зрители прямо после окончания представления шли в бой.

В 1922 году К. Марджанишвили поставил «Овечий источник» на грузинской сцене. Этим спектаклем режиссер положил начало возрождению грузинского театра, который при меньшевиках находился на грани полного упадка. Резолюция от этого спектакля была велика, и благотворное его влияние на абхазский театр — несомненно.

В 1934 году абхазский театр, который был совсем еще молод, берет на себя нелегкую миссию — поставить «Фуэнте овехуна» на своей сцене. Эту постановку осуществил известный грузинский режиссер Вахтанг Гаррик. С большим волевым пристрастием к работе над ролью Лауренсии. Эта роль

осталась в моем сердце на всю жизнь...

Часто вспоминается мне интересный эпизод, случившийся на одном из наших спектаклей. Обещанная командиром, Лауренсия призывает народ отомстить диктатору. В этот момент зрители, среди которых было много крестьян, впервые постигавших чудотворное искусство театра, бросились на сцену, обнажив свои кинжалы. Пришлось вмешаться в инцидент режиссеру. Гаррик остановил зрителей, объяснив им, что спектакль еще не окончен, и злодей не останется безнаказанным.

В годы учебы в Тбилиском театральном училище имени Ш. Руставели нам посчастливилось смотреть восстановленный марджановский спектакль в театре его имени с участием выдающейся грузинской актрисы Тамары Чавчавадзе.

Романтическая приподнятость, темперамент, ритм спектакля — все то, что так увлеченно пропагандировал Котэ Марджанишвили, сыграли большую роль в становлении современного грузинского и абхазского театров.

Е. ШАКИРБАЯ,
народная артистка Грузинской ССР и Абхазской АССР.

В НАС ПЛАМЕНЬ ЕГО СЕРДЦА

В книге воспоминаний замечательного советского актера, одного из ведущих мастеров МХАТа, народного артиста СССР Б. Я. Пегера есть такие строки о Котэ Марджанишвили: «Я часто думаю, как величественно сливались в Константине Александровиче поэт, гражданин и человек большого сердца». И это большое сердце режиссера было безраздельно отдано театру.

Моя первая актерская работа в Сухумском драматическом театре имела хоть и косвенное, но все же близкое отношение к творческим принципам и режиссерской деятельности Котэ Марджанишвили.

В 1938 году один из учеников и последователей Марджанишвили, ныне главный режиссер грузинской драмы Сухумского театра, народный артист Грузинской ССР Сергей Челидзе ставил в Сухуми «Уриеля Акосту» К. Гуцкова. Я выступала в амплуа трагистки — играла Баруха Спинозу, ученика Уриеля. Огромную помощь в этой работе оказала мне заслуженная артистка Грузинской ССР И. Донаури, которая играла эту роль в тбилисской постановке «Уриеля Акосты». В су-

хумском же спектакле она исполнила центральную женскую роль — Юдифи.

В этом же году С. Челидзе осуществил давнишнюю мечту Котэ Марджанишвили о постановке музыкального спектакля на национальную основу. Музыкальный театр был так же близок великому режиссеру, как и героико-романтический, ибо в нем Марджанишвили видел «праздник искусства». Таким спектаклем в Сухумском театре стал «Аршин мал-алан» У. Гаджибекова. Я играла главную героиню — Гюльчохру. Лирический характер пьесы, ее ритм, темперамент, выразительная музыка и помогли создать тот праздник на сцене, о котором всегда мечтал Котэ Марджанишвили.

Много лет прошло с тех пор. Но пламень сердца, тот душевный огонь, который зажег для нас сам Котэ Марджанишвили и его ученики, ставшие нашими учителями, продолжает гореть ярко, неугасимо. Кого бы мне ни пришлось играть — озорную Эльзу Дулитл в «Пигмаллоне» Б. Шоу или героиню «Молодой гвардии» Любку Шевцову, вводить ли зрителя в мир страстей Гарсия Лорки («Дом Бернарды Альбы») или увлекать его музыкальностью и темпераментом мадемуазель Нитиш — я всегда помню о том, что актер — это создатель праздника для зрителя. Так учил нас Котэ Марджанишвили.

Н. КИПИЯНИ,
народная артистка Грузинской ССР.

Советская
АБХАЗИЯ

Пятница, 9 июня 1972 г.